

Научная статья
УДК 94 (47; 510)
doi: 10.17223/19988613/94/8

Роль пограничных комиссаров в контексте взаимодействия России и Китая в середине XIX – начале XX в.

Инна Николаевна Мамкина

Забайкальский государственный университет; Забайкальский научный центр Института истории, археологии и этнографии Дальневосточного отделения Российской академии наук, Чита, Россия, inna-mamkina@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается институт пограничных комиссаров как механизм приграничного взаимодействия России и Китая в середине XIX – начале XX в. Проведен комплексный анализ организации и деятельности пограничных комиссарств в Сибири и на Дальнем Востоке в XIX – начале XX в. на основе обобщения имеющихся сведений и документов Архива внешней политики Российской империи, впервые вводимых в научный оборот. Представлены сведения о пограничных комиссарах Кяхты, Южно-Уссурийского края, Амурской области и Урянхайского края.

Ключевые слова: Дальний Восток, Китай, пограничные комиссары, взаимодействие, дипломатия

Для цитирования: Мамкина И.Н. Роль пограничных комиссаров в контексте взаимодействия России и Китая в середине XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 94. С. 61–69. doi: 10.17223/19988613/94/8

Original article

The role of border commissioners in the context of diplomatic interaction between Russia and China in the middle of the 19th and early 20th centuries

Inna N. Mamkina

Zabaikalsky State University; Transbaikalian Scientific Center Institute of History, Archaeology and Ethnology, the Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, Chita, Russian Federation, inna-mamkina@yandex.ru

Abstract. The article considers the institution of border commissioners as a mechanism for cross-border cooperation between Russia and China in the middle of the 19th and early 20th centuries. It is noted that the growing interest of the United Kingdom, the United States, France, and Germany in the Asian region has stimulated Russian government action in the east. A series of treaties delimiting the border territories of Russia and China laid the groundwork for the establishment of mechanisms for diplomatic cooperation between the two powers. The institution of border commissioners is a key mechanism. The historiography of the question is presented by several publications, highlighting selected parts of the organization and activities of border commissions. The purpose of the study is to carry out a comprehensive analysis of the organization and activities of the border commissions in Siberia and the Far East in the 19th and early 20th centuries on the basis of synthesis of available information and documents from the Foreign Policy Archive of the Russian Empire for the first time in scientific circulation.

The methodological basis of the study is the concept of the frontier applied to Siberia and the Far East. The author notes that the Border Commissioner position emerged in the administrative system of the suburbs at the time of its incorporation into the general imperial space under the influence of foreign policy factors. The first references to border commissioners are to be found in the Kyacht Tractate, concluded in 1727 by S.L. Władysław-Raguzynski. The treaty terms considered in addition to territorial delimitation, the establishment of a number of posts to carry out demarcation work, organize border security and interact with Chinese authorities. On the basis of analysis of sources, the author suggests that the post of Border Commissioner, established in the mid-19th century, is based on the authority of A. Tretyakov, the border captain F. Knyaginkin, the interpreter. The article chronologically presents information on the establishment of Border Commissioners' position in Kyacht, South Ussuri Territory, Amur Region, and Uryankhay Territory. The author draws attention to the duties, staffing, content, and specific activities of the border commissioners. It is noted that, in view of the foreign policy situation on the eastern part of the Russian-Chinese border, the border commissioners were carrying out special tasks aimed not only at maintaining good-neighborly relations with the Asian Powers, but also to ensure and defend national interests in the Far East. The author notes that the Border Commissioners acted as a foreign policy mediator between the central and regional authorities. Their activities served as a prerequisite for maintaining mutual relations between Russian and Chinese citizens, between the indigenous and Russian populations, and were likely to ensure social stability.

Keywords: Far East, China, state border, border territory, cooperation, border commissioners, national interests

For citation: Mamkina, I.N. (2025) The role of border commissioners in the context of diplomatic interaction between Russia and China in the middle of the 19th and early 20th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija – Tomsk State University Journal of History*. 94. pp. 61–69. doi: 10.17223/19988613/94/8

Середина XIX столетия ознаменовалась изменениями в политической ситуации на российском Дальнем Востоке. Усиливающийся интерес Великобритании, США, Франции, Германии к азиатскому региону активизировал действия российского правительства на востоке страны. В 1860-х гг. между Россией и Китаем был заключен ряд договоров, оформивший разграничение сопредельных территорий, закрепивший восточный участок государственной границы двух стран. Проведение демаркационной линии, установление пограничных знаков, застав и таможенных постов положили конец свободному передвижению русского, китайского, корейского населения по приграничным территориям, которые десятилетиями находились в совместном пользовании. Безусловно, возникающие хозяйственные, политические, миграционные вопросы на приграничной полосе добавили хлопот губернаторам. Административная система восточной окраины нуждалась в работоспособных дипломатических механизмах. Вместе с тем, учитывая уровень социально-экономического развития окраин двух империй, незначительность населения на огромных просторах, говорить о создании полноценных дипломатических служб было преждевременно.

С момента подписания первого русско-китайского договора в Нерчинске в 1689 г. обязанности по взаимодействию двух сторон непосредственно на границе возлагались на «пограничных воевод», уполномоченных выступать в качестве представителя стороны для решения спорных вопросов о перебежчиках и разрешения «ссоры меж порубежными жителями» [1. С. 9–11]. По мере расширения сфер взаимодействия двух стран необходимость в особых дипломатических механизмах ощущалась с каждым годом все острее.

В условиях неоконченного освоения восточных окраин административная система Сибири и Дальнего Востока включала нетипичные для имперской части России механизмы управления. Приграничное взаимодействие между Россией и Китаем осуществлялось посредством ряда административных должностей с особыми полномочиями, в том числе и должности пограничного комиссара.

Историография института пограничных комиссаров представлена весьма скудно. Отрывочные сведения можно почерпнуть из единичных исторических записок, свидетельствующих об участии комиссаров в приграничной жизни [2, 3]. Наибольшую ценность представляет «Записка...» советника Троицко-Савского пограничного правления Г.А. Сычевского, составленная на основе нормативных документов. Сычевский проливает свет на административную сторону организации пограничной полосы после заключения Кяхтинского трактата в 1727 г. Именно в его трудах упоминаются пограничные управители, пограничные дозорщики и пограничные комиссары и приведены должностные инструкции, составленные С.Р. Рагузинским. В советской историографии упоминание о пограничных ко-

миссарах встречается в работе историка Б.Г. Курца [4]. Автор в контексте исследования русско-китайских торговых отношений анализирует обстоятельства заключения Кяхтинского договора и организацию охраны государственной границы, при этом упоминая о пограничных комиссарах. Советские исследования русско-китайских отношений оставляли за рамками научного интереса имперские механизмы приграничного взаимодействия, сосредотачиваясь на торговых либо пограничных аспектах [5–7].

Стремительное развитие отношений России с азиатскими государствами на современном этапе актуализировало интерес к истории международных отношений, в том числе и к административным механизмам взаимодействия. В 2000-х гг. опубликован ряд научных статей, содержащих первые сведения о деятельности пограничных комиссаров. О Кяхтинских пограничных комиссарах упоминается в публикациях А.И. Петрова и А.В. Малановой [8, 9]. Г.И. Саркисова на основе архивных материалов исследовала отдельные аспекты организации пограничного комиссарства в Кяхте в XVIII в. Публикации автора богаты биографическими сведениями и фактическими данными [10, 11]. Деятельность Южно-Уссурийских комиссаров представлена в трудах Е.И. Нестеровой, И.В. Шмониной, Д.И. Шмониной, подробно изложивших отдельные моменты организации и деятельности Южно-Уссурийского пограничного комиссарства. Е.И. Нестерова уделила внимание биографии первого комиссара В.Д. Овандера. В статьях И.В. и Д.И. Шмониных собраны сведения о деятельности комиссаров по защите национальных интересов [12–14]. Ю.А. Павлов обобщил данные о кадровых военных, занимавших гражданскую должность пограничных комиссаров на Дальнем Востоке. Статья содержит биографические сведения о шести офицерах Приамурского генерал-губернаторства [15]. Необходимо отметить единственность статьи В.А. Василенко, посвященную деятельности Урянхайского пограничного комиссара. Автор описывает противоречия между чиновниками переселенческого комитета, пограничным начальником и пограничным комиссаром, раскрывая еще один аспект деятельности представителей дипломатической службы [16].

Безусловно, современные исследования положили начало рассмотрению дипломатических механизмов на азиатском направлении российской внешней политики в дореволюционный период. Однако совокупность всех имеющихся публикаций не дает возможности воссоздать целостное представление о системе дипломатической службы на востоке Российской империи. Вопрос о механизмах внешнеполитического взаимодействия на азиатском направлении российской внешней политики остается малоизученным.

Принимая во внимание слабую степень изученности данного вопроса, определена цель настоящего исследования – проведение комплексного анализа орга-

низации и деятельности пограничных комиссарств в Сибири и на Дальнем Востоке в XIX – начале XX в. на основе обобщения имеющихся сведений и документов Архива внешней политики Российской империи, впервые вводимых в научный оборот.

Методологической основой исследования служит концепция фронта применительно к Сибири и Дальнему Востоку в контексте исследований М.В. Шиловского и Д.Я. Резуна о возможности фронта при встрече и контакте двух культур разного уровня цивилизации [17].

Первые упоминания о механизмах приграничного взаимодействия с азиатскими державами встречаются в русско-китайских трактатах о разграничении территории. В первом российско-китайском договоре, подписанном в Нерчинске в 1689 г., упоминались «порубежные воеводы» [1. С. 9–11]. В подписанных в 1727 г. опытным дипломатом С.Л. Владиславичем-Рагузинским Буринском и Кяхтинском трактатах определялись участки границы, торговые места и механизмы взаимодействия. Для разграничения территорий учреждались две совместные комиссии, возглавляемые с русской стороны пограничными комиссарами [17. С. 18]. По сведениям Г.А. Сычевского, С.Л. Владиславич-Рагузинский поручил контроль над восточным от Кяхты участком границы селенгинскому дворянину Григорию Фирсову и переводчику Степану Кобею. При них состояли писарь Иван Мангир и «три служивых человека» из Селенгинска. Западный участок вверялся «Иркутскому сыну Боярскому Анисиму Михалеву да селенгинскому служивому толмачу Григорию Волгарю» [2. С. 29]. Комиссары состояли в прямом подчинении графу Рагузинскому, а после его отъезда – пограничному правителю полковнику И.Д. Бухольцу. Отметим, что по Кяхтинскому трактату Г. Фирсов и А. Михалев заняли должности пограничных комиссаров, однако в дальнейшем Сычевский называет их пограничными дозорщиками. Полномочия дозорщиков регулировались инструкциями, специально составленными С.Л. Владиславичем-Рагузинским.

В инструкции Г. Фирсову основными задачами дозорщиков определялись осмотр границы от Кяхты до р. Аргуни, починка пограничных маяков, разрешение «малых ссор» среди пограничных жителей. Инструкция для А. Михалева имела более детальное описание полномочий. В документе указывалось на неукоснительное соблюдение трактатов, разменных писем, подписанных с китайской стороной, «дабы Двору Китайскому не дать притчины к разорванию мира, нарушению корреспонденции и коммерции, испровержению границы, которая в сем деле главнейшая» [2. С. 29]. Михалеву предписывалось ежегодно осматривать вверенный участок границы, не допускать не санкционированных переходов, пресекать ссоры, возвращать перебежчиков, контролировать несение караульной службы, поддерживать отношения с местными кочевыми народами и с караульной службой Китая, отчитываться перед Селенгинским Пограничным генеральным управителем и Иркутским воеводой. В помощь дозорщику определялись писарь И. Мангир, толмач С. Кобей, «для разсылок служивые Иван

Разгильдеев, Алексей Цыгенов и Сава Лбоков» [2. С. 29].

Отметим, что деятельность комиссий и комиссаров носила разъездной характер, связанный с проведением демаркационных работ и контролем состояния государственной границы. Учитывая протяженность границы, комиссары большую часть года, за исключением зимы, находились в разъездах. На местах осуществление приграничного взаимодействия возлагалось на «пограничного управителя», находившегося в Селенгинске, – полковника И.Д. Бухольца, впоследствии эту должность занимали генерал-майор В.В. Якоби, премьер-майор С. Власов [10. С. 362].

Все это в совокупности дает возможность предположить, что указанные комиссары – в большей степени дозорщики, исполняющие пограничную, а не дипломатическую службу.

Для осуществления торговых договоренностей между Россией и Китаем в Кяхту получили назначение пограничный капитан Федор Княгинкин и переводчик селенгинский дворянин Алексей Третьяков, в Цурухайтуевскую торговую слободу – капитан Михаил Шкадера. Инструкции капитанам вменяли им в обязанность организовать торг и отстроить необходимые помещения. Обращает на себя внимание положение из инструкции Бухольцу, где упоминается о статусе переводчика А. Третьякова. В документе говорилось, что «Указом же определен Селенгинский дворянин Алексей Третьяков вместо Дьяка, от Российской стороны против Китайского Джаргучея, для того что он, Алексей, человек не без ума, и не токмо Мунгальскому языку доволен, но и от части Китайской разумеет» [2. С. 60]. Статус и полномочия А. Третьякова, описанные в инструкции Бухольцу, в большей степени соответствуют должности пограничного комиссара, оформившейся в середине XIX столетия.

Таким образом, заключение в 1727 г. Кяхтинского трактата с китайской стороной повлекло ряд организационных действий, направленных на учреждение специальных должностей для демаркации, охраны вновь установленной государственной границы, организации торгового и регулярного взаимодействия с китайскими властями. Помимо существующих генеральных пограничных управителей, в соответствии с трактатом учреждались должности пограничных комиссаров и капитанов с четко оговоренными функциями, штатным составом, содержанием.

С развитием торговых отношений Кяхта превратилась из торговой слободы в торговый центр с особым международным статусом. 20 июня 1851 г. по ходатайству генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева учреждено Кяхтинское градоначальство во главе с градоначальником. Особый статус Кяхты позволил закрепить за градоначальником широкие полномочия и сохранить в штате должность пограничного комиссара. Преобразования Н.Н. Муравьева-Амурского привели к формированию трех уровней внешнеполитического взаимодействия, просуществовавших до упразднения градоначальства: к первому относились сношения кяхтинского пограничного комиссара и маймаченского джаргучея, ко второму – кях-

тинского градоначальника и правителей Урги, к третьему – Министерства иностранных дел Российской империи и Пекинского трибунала внешних сношений.

В 1852 г. исполняющим обязанности пограничного комиссара был назначен, а в 1854 г. утвержден в должности А.И. Деспот-Зинович, внесший неоценимый вклад в развитие дипломатических отношений с азиатскими державами, в особенности в поддержание дружественных связей с Монголией. А.И. Деспот-Зинович по поручению генерал-губернатора Н.Н. Муравьева-Амурского неоднократно совершал дипломатические поездки в Ургу. В 1859 г. А.И. Деспот-Зинович получил назначение на должность градоначальника Кяхты, в 1862 г. назначен Тобольским губернатором.

Высокие служебные требования, предъявляемые к должности пограничного комиссара, затрудняли поиски подходящих кандидатур. Продолжительное время служебное место могло оставаться вакантным. В частности, следующее назначение на должность пограничного комиссара в Кяхту состоялось в 1862 г. Полномочия комиссара получил Е.В. Пфаффиус [8].

9 февраля 1863 г. Государственный Совет утвердил инструкцию пограничному комиссару, составленную военным губернатором Забайкальской области. При обсуждении полномочий комиссара члены Госсовета отмечали, что должность учреждается «для сношения с дзэргучеем Кяхтинского Маймачена и заведования собственными пограничными делами в Кяхтинской слободке» [18. Л. 3].

Комиссар состоял в непосредственном подчинении военному губернатору Забайкальской области, по дипломатическим вопросам он взаимодействовал с генерал-губернатором Восточной Сибири. Штат включал пограничного комиссара и двух переводчиков монгольского языка. По инструкции пограничный комиссар относился к государственным гражданским должностям Министерства иностранных дел и замещался гражданскими лицами с чином не ниже статского советника. Чиновник получал 1 500 руб. в год жалования, 1 500 руб. столовых, 500 руб. на разъезды и 1 000 руб. на текущие расходы. Переводчики состояли в X классном чине (коллежский секретарь) и в совокупности получали 1 200 руб. в год. Дополнительно из казны выделялось 1 000 руб. на канцелярские расходы [19. Л. 3 об.]. Смета не предусматривала расходы на жилье сотрудникам комиссарства, поскольку купечество Кяхты выделило средства на строительство специального помещения для работы и проживания пограничного комиссара.

Необходимо обратить внимание на обновленные должностные обязанности пограничного комиссара. Существенно расширена компетенция в сфере приграничного взаимодействия с китайской стороной. Чиновнику вменялось в обязанности осуществлять взаимную выдачу лиц, незаконно находившихся на территории государства без документов и не совершивших противоправных действий, разбирать ссоры между русскими и китайскими подданными, рассматривать вопросы о долгах, финансовых претензиях представителей с русской и китайской сторон, осуществлять передачу скота, содействовать розыску и передаче русских пре-

ступников, совершивших преступления в Китае, осуществлять контроль наказаний китайских преступников в Китае за совершенные проступки в пределах российской территории, «сохранять доброе согласие» между местными жителями с обеих сторон, противодействовать контрабанде спирта, выдавать паспорта и торговые свидетельства для русских и китайских подданных, составлять статистический отчет по оптовой торговле России и Китая, осуществляемой через Кяхту, собирать сведения «о нуждах местной торговли», давать заключения по ней, отправлять государственную почту в Пекинскую миссию и содействовать отправке курьеров, осуществлять паспортный контроль над иностранцами из других азиатских и европейских держав [18. Л. 3–5].

Обращает внимание, что инструкция закрепляла довольно широкий и разноплановый круг административных и дипломатических полномочий. Исключение из компетенции охранных функций сделало эту должность сугубо гражданской. На практике деятельность пограничного комиссара в Кяхте в большей степени носила дипломатический характер, способствовала поддержанию дружеских взаимоотношений с китайскими властями и осуществлению контроля пересечения русской границы иностранными подданными.

В 1858 г. между Россией и Китаем был подписан Айгунский, в 1860 г. – Пекинский договор, разграничившие территории по течению р. Амур. Длительная протяженность восточного участка российско-китайской границы, безусловно, требовала дополнительных механизмов приграничного взаимодействия. Вопрос об учреждении должности Южно-Уссурийского пограничного комиссара возник в 1860-е гг. в контексте обеспечения государственной безопасности в связи с «манзовской войной» [14. С. 123]. В 1868 г. генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков ходатайствовал об административном переустройстве Приморья; среди прочих положений он предлагал учреждение должности пограничного комиссара по подобию Кяхты. Среди причин, побудивших С.М. Корсакова ходатайствовать об учреждении должности, указывались значительный наплыв китайского населения на южной границе Приморской области и необходимость установления контроля и надзора за переходящими границу китайскими подданными. После длительных переговоров и выводов о том, что содержание пограничного комиссара менее затратно, чем содержание консульства, особое совещание по делам Приморского края весной 1869 г. приняло положительное решение относительно учреждения должности пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае. Окончательное решение было утверждено 12 ноября 1869 г. мнением Государственного Совета.

За основу должностной инструкции Южно-Уссурийского пограничного комиссара была взята инструкция из Кяхты. Круг обязанностей принципиально ничем не отличался. Вместе с тем отметим, что по статусу Южно-Уссурийский комиссар был выше. Он приравнивался к Нингутскому фудутуну и имел право вступать во взаимодействие с начальниками Гиринской и Хэйлуцзянской провинций [12. С. 120]. Чинов-

ник подчинялся военному губернатору Приморской области, по дипломатическим вопросам – генерал-губернатору Восточной Сибири. Изначально местом пребывания комиссара был определен залив Посыет, в дальнейшем с указанием конкретного пункта генерал-губернатором [12. С. 120]. Во Временной инструкции первоначальным местом пребывания комиссара был определен Новгородский пост, в 1880-х гг. пост перенесен в урочище Новокиевское, позднее – в селение Николаевское. Штат и содержание Южно-Уссурийского комиссарства не отличались от штата кяхтинского, за исключением драгоманов (переводчиков) китайского и корейского языков.

По данным Е.И. Нестеровой, первым комиссаром края в 1870 г. назначили Василия (Вильгельма) Дмитриевича (Эдуардовича) Овандера [12. С. 121]. Однако по состоянию здоровья Овандер не смог продолжить службу, и в 1871 г. временно исполнял обязанности надворный советник Филиппович. С 27 августа 1873 г. назначение получил Николай Гаврилович Матюнин, прослуживший в должности более 30 лет. 18 сентября 1899 г. его сменил Евгений Тимофеевич Смирнов. В 1912 г. пограничным комиссаром назначен Никита Дмитриевич Кузьмин, оставшийся в должности до 1922 г. [14. С. 126].

Полномочия Южно-Уссурийского комиссара неоднократно пересматривались. В 1879 г. генерал-губернатор П.А. Фредерикс ввел в действие на два года Дополнительные инструкции Южно-Уссурийскому комиссару и Инструкцию для исполнения кордонной службы на границе с Маньчжурией в Южно-Уссурийском крае. В соответствии с этими инструкциями комиссар получал полномочия по организации пограничной службы [14. С. 126]. Круг обязанностей Южно-Уссурийского комиссара существенно расширился за счет охранных функций. Более того, в работах И.В. Шмониной и Д.И. Шмониной отмечается, что нередко пограничные комиссары являлись резидентами пограничной, военной и внешней разведки на Дальнем Востоке [14. С. 128].

Война Японии и Китая в 1894–1895 гг. и аннексия Японией Кореи изменили расстановку политических сил на Дальнем Востоке. В феврале 1895 г. генерал-губернатор Приамурского края С.М. Духовский пересмотрел содержание инструкции для комиссаров. Помимо взаимодействия с китайскими пограничными властями и визирования паспортов и русских билетов пограничный комиссар получил консульские полномочия до учреждения консульства в захваченной Корее. В обязанности комиссара входили сбор сведений и отчеты о положении дел на пограничных территориях Китая и Кореи. Новшеством в инструкции стало закрепление обязанности в оказании содействия пограничному комиссару со стороны любых властей края [18. Л. 3].

В отличие от Кяхтинского пограничного комиссара, преимущественно контролировавшего приграничные торговые отношения и передвижение иностранцев, Южно-Уссурийскому чаще приходилось решать вопросы охраны государственной границы, принимать сложные политические решения. В частности, после

оккупации Кореи Япония объявила о непризнании ранее заключенных договоров между Россией и Кореей. В соответствии с позицией Японии местные власти были лишены права взаимодействия с русскими представителями, также не признавались полномочия Южно-Уссурийского комиссара. Несмотря на позицию японских властей, Южно-Уссурийский пограничный комиссар продолжал оказывать содействие корейским подданным, сохраняя добрососедские отношения.

Таким образом, в деятельности Южно-Уссурийского пограничного комиссара преобладали полномочия, направленные на обеспечение национальной безопасности Российского государства на Дальнем Востоке. Дипломатические полномочия отходили на второй план перед необходимостью укрепления слабо охраняемой и протяженной государственной границы, угрозой нападения японских войск, хунхузских шаек, необходимостью наблюдения за прибывшими иностранными подданными и сбора информации об обстановке в приграничных территориях. Отметим, что сведения о готовящейся к войне Японии были переданы пограничными комиссарами задолго до начала русско-японской войны.

В 1896 г. на расширенном заседании Государственного Совета, департамента законов и департамента государственной экономии по ходатайству Приамурского генерал-губернатора обсуждался вопрос об учреждении должности Амурского пограничного комиссара. На этот раз необходимость в пограничном комиссаре возникла из-за увеличивающегося числа китайцев и маньчжур в Амурской области. Строительство Транссиба, разработка золотых приисков на Амуре привлекали китайцев возможностью получения работы. Помимо этого, генерал-губернатор указывал на необходимость установления контроля над проживающими на левом берегу Амура «зазейскими маньчжурами»: «...оказывается нужным наблюдать за этим пришлым элементом, регулировать отношения между выходцами из Небесной империи и местными жителями, свидетельствовать заключение между ними сделок и договоров» [19. Л. 2 об.]. Отметим, что необходимость «наблюдения» за «зазейскими маньчжурами» была продиктована их административной автономностью и отказом подчиняться российским властям.

В сложившейся практике на должность пограничного комиссара назначались гражданские лица, что существенно затрудняло поиск кандидатов. «Для облегчения замещения учреждаемой должности» участники совещания приняли решение о допуске к должности военных чинов [19. Л. 3]. По данным Ю.А. Павлова, на Дальнем Востоке должность пограничного комиссара в разное время занимали шесть офицеров, среди них П.Э. Генке, помощник старшего адъютанта отчетного отделения штаба Приамурского военного округа, А.Г. Лубенцов, военный инструктор, автор первого в России учебника корейского языка Н.Д. Кузьмин, полковник Б.Л. Громбчевский [15. С. 106].

15 апреля 1896 г. штат пограничного комиссара Амурской области утвердили по образцу уже существующих комиссарств в Кяхте и Южно-Уссурийском крае. На содержание пограничного комиссара выделя-

лось 4 500 руб. в год, переводчику китайского языка – 2 300 руб. в год, переводчику монгольского – 1 200 руб. в год, на канцелярские расходы – 1 000 руб. [19. Л. 3 об.]. Чиновник находился в подчинении Амурского губернатора, по дипломатическим вопросам взаимодействовал с Приамурским генерал-губернатором. Местом пребывания был определен Благовещенск. 26 августа 1898 г. генерал-губернатор Н.И. Гродеков утвердил должностную инструкцию Амурскому пограничному комиссару, принципиально не отличающуюся от уже существующих. Первым пограничным комиссаром в Амурской области стал Б.Л. Громбчевский.

Необходимо обратить внимание, что деятельность Амурского пограничного комиссара сосредоточилась в основном на осуществлении паспортно-визового контроля передвижения русских, китайцев и корейцев в пределах пограничной территории. В отличие от комиссарств в Кяхте и Южно-Уссурийске, штат Амурского пограничного комиссара был увеличен, комиссарство разрослось до нескольких отделов.

Одним из первых был учрежден отдел регистрации прибывающих иностранцев. В отделе впервые ввели фотографирование китайцев и корейцев. В отделе служили в разные годы до десяти человек. Паспортный отдел в составе пяти человек занимался выдачей иностранцам русских билетов, оформлял документы на принятие в русское подданство. Трое служащих канцелярии китайского квартала осуществляли сношение с китайским населением, проживающим в Благовещенске, оказывали «содействие полиции» [19. Л. 2 об.]. В период навигации в штат добирались помощники из-за увеличения числа азиатов, переходящих границу в поисках работы в летний период.

Поражение России в русско-японской войне привело к значительному увеличению числа китайцев, стремящихся осесть в приграничной полосе. По мнению генерал-губернатора, после войны Китай, «получив по Портсмутскому договору обратно Маньчжурию, жаждет ее закрепить за собою на вечные времена» [19. Л. 6]. Следуя этой цели, Китай интенсивно заселял приграничные районы Маньчжурии, что усилило миграцию китайцев, искавших работу. В 1907 г. из-за наплыва японцев, китайцев, корейцев Амурский пограничный комиссар ходатайствовал об увеличении штатов. В июне 1909 г. в штат были приняты переводчики японского и корейского языков [19. Л. 26].

Объем работы Амурского пограничного комиссарства можно оценить по суммам сборов с китайских и корейских подданных. За получение русского билета иностранцы платили пошлину. В 1899 г. пошлина составляла 3 руб., из них 1,9 руб. составляли отчисления в казну, 80 коп. – гербовый сбор, 30 коп. – канцелярский сбор [20. С. 58]. Периодически размер пошлины пересматривался, в разные годы она могла увеличиваться до десяти и более рублей. В 1912 г. в Приамурской области русских билетов китайским подданным было выдано на сумму 591 673 руб., корейским – 174 550 руб.; в Амурской области по совокупности 233 838 руб.; на Камчатке – 2 712 руб.; в Сахалинской области – 5 741 руб. [21. Л. 20]. Общий сбор в 1912 г. составил 936 514 руб. Отметим, что годовое содержа-

ние штата одного пограничного комиссара не превышало 6 000 руб., средства от их деятельности, поступавшие в казну, округленно приносили миллион ежегодной прибыли. Цифры говорят сами за себя.

В 1911 г. в Айгуне учреждается вицеконсульство, и все дипломатические полномочия, выдача русских билетов и паспортов перешли в распоряжение вицеконсула. В связи с этим вицеконсул отмечал необоснованность наделения пограничного комиссара консульскими функциями, считая должность «лишней инстанцией в переписке»: «фактически же ни одного вопроса разрешить не в состоянии за неимением достаточных полномочий», – настаивал на переносе комиссарства в более отдаленную местность [22. Л. 197].

В свою очередь, пограничный комиссар Николай Алексеевич Спешнев в 1913 г., отстаивая право на продолжение деятельности, справедливо отмечал огромный объем делопроизводственной документации, нецелесообразность переноса комиссарства из Благовещенска, находящегося непосредственной близости от Хэйхе, где была сосредоточена местная китайская администрация. Комиссар видел необходимость «сосредоточения всех дел о желтых в одних руках» и просил оставить возможность взаимодействия с китайскими властями по судебным спорам, гражданским деликтам в торговых делах. В конечном итоге суть прошения Амурского пограничного комиссара свелась к ходатайству о сохранении комиссарства в составе Правления Амурской области [22. Л. 189].

В переписке обращает на себя внимание определенное противодействие чиновников общеимперских и региональных органов власти. По мере инкорпорации окраины в общеимперское пространство на смену специальным региональным административным механизмам приходили типичные общегосударственные принципы управления, что нередко приводило к конфликту местных и центральных властей. Суть конфликтов сводилась к отсутствию осознания у имперских властей специфики региона, требующего особого подхода к управлению. Местные власти старались отстаивать право на свою особенность, что нередко удавалось. В итоге должность пограничного комиссара сохранялась в Амурской области до революции.

Учреждение еще одного пограничного комиссарства было тесно связано со стремлением России вовлечь в сферу своих интересов Монголию. После подписания договора между Россией и Монголией в 1912 г. российские власти активно принимали участие в вопросах, связанных с Внешней Монголией. Одним из инструментов внешней политики Российской империи в монгольском направлении становилось учреждение должности Урянхайского пограничного комиссара.

В 1882 г. из-за волнений среди тувинских сойотов генерал-губернатор Восточной Сибири Д.Г. Анучин ходатайствовал об учреждении должности пограничного комиссара в Урянхайском крае для урегулирования вопросов с местным населением. Однако власти посчитали ходатайство преждевременным. В начале XX в. ситуация кардинальным образом изменилась: Синьхайская революция 1911 г. в Китае, стремление монголов к независимости подтолкнули российские

власти к действиям. Урянхайский край, зажатый между Российской империей и Внешней Монголией, представлял интерес для обеих сторон. При этом нельзя забывать и о претензиях Китая. В июне 1912 г. в министерстве иностранных дел были подготовлены «Материалы для инструкции Урянхайскому комиссару» [23. С. 282]. Отметим, что на этот раз в обязанности пограничного комиссара входила работа с местным населением по вопросам самоопределения края и установлению самостоятельного правления. Статус пограничного комиссара позволял избежать претензий китайских властей, уже знакомых с характером деятельности комиссаров.

Изначально вопрос о назначении пограничного комиссара в Урянхайский край власти попытались решить переводом комиссара из Благовещенска. Это решение было продиктовано открытием Айгунского вицеконсульства, о чем упоминалось выше. Однако вмешательство Приамурского генерал-губернатора, убедившего власти в необходимости присутствия пограничного комиссара в Благовещенске, заставили пересмотреть решение.

В конечном итоге после длительных консультаций Иркутского генерал-губернатора М.С. Князева с министерствами иностранных и внутренних дел на должность пограничного комиссара в Урянхае был утвержден коллежский асессор А.П. Церерин, приступивший к выполнению обязанностей в 1913 г. [23. С. 228].

Должностная инструкция Урянхайского комиссара значительно отличалась от прочих и имела гриф секретности. Принятая 29 июня 1914 г. инструкция наделяла комиссара широкими полномочиями. Аппарат российского представительства включал должности комиссара по делам Урянхайского края и его управления, Усинского пограничного начальника и его помощников, чинов переселенческого управления [24]. Комиссар подчинялся непосредственно Иркутскому генерал-губернатору, являлся «главным местным представителем Правительства», осуществлял общее руководство. В инструкции отмечалась особая обязанность «вести сношения с туземным населением сего края» [24]. Комиссар имел право поручить ряд полномочий по контролю в области торговли, контрабанды товаров, угона скота, выдачи русских билетов,

судебных споров Усинскому пограничному начальнику и чинам Переселенческого управления.

Усинский пограничный начальник подчинялся комиссару, в его отсутствие замещал должность. Один из чинов Переселенческого управления назначался «заведующим устройством русского населения в Урянхайском крае» и одновременно исполнял обязанности крестьянского начальника [24]. Заведующий подчинялся Минусинскому съезду крестьянских начальников и Общему присутствию Енисейского губернского правления. Вместе с тем все действия по землеустройству согласовывались с пограничным комиссаром.

Оценивая круг полномочий Урянхайского пограничного комиссара, согласимся с позицией исследователя В.А. Василенко о том, что в 1913 г. в Туву были внедрены механизмы российского влияния в лице пограничного комиссара и переселенческого чиновника [16. С. 32]. По сути, Инструкция 1914 г. заложила основы фронтальной системы административного управления пограничной территорией. Отметим, что деятельность комиссарства дала положительные результаты, по ходатайству урянхайских родов Тува приняла российский протекторат.

Подводя итог, отметим, что институт пограничного комиссара появился в административной системе восточной окраины в период ее инкорпорации в общееимперское пространство под влиянием внешнеполитических факторов и представляет собой ярко выраженную региональную специфику в общееимперской системе дипломатических органов власти.

Пограничные комиссары играли роль связующего звена во внешнеполитическом взаимодействии между центральными и региональными властями. Основная задача пограничных комиссаров заключалась в сглаживании пограничных конфликтов, установлении добрососедских отношений с сопредельными азиатскими государствами на территории сибирского фронта. Вместе с тем каждое из четырех пограничных комиссарств, несмотря на схожие функции, выполняло особые полномочия, определенные спецификой региона. Их деятельность, являясь необходимым условием мирного характера взаимоотношений между российскими и китайскими подданными, между коренным и русским населением, обеспечивала в определенной мере социальную стабильность.

Список источников

1. Русско-китайские отношения 1689–1916 г. : офиц. документы. М. : Изд-во Вост. лит., 1958. 142 с.
2. Сычевский Г.А. Историческая записка о китайской границе, составленная советником Троицко-Савского пограничного правления Сычевским в 1846 г. М. : Имп. о-во истории и древностей российских при Московском ун-те, 1875. 300 с.
3. Шишмарев Я.П. Записка действительного статского советника Шишмарева. 27 февраля 1886 г. // Восточная литература. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Mongol/Sismarev_otcet/frameset1.htm (дата обращения: 18.10.2021).
4. Курц Б.Г. Русско-китайские отношения в XVI, XVI и XVIII столетиях. Харьков : Гос. изд-во Украины, 1929. 158 с.
5. Беспрозванных Е.Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений в XVII – середине XIX в. Хабаровск : Кн. изд-во, 1986. 336 с.
6. Бескровный Л.Г., Нарочницкий А.Л. К истории внешней политики России на Дальнем Востоке в XIX веке // Вопросы истории. 1974. № 6. URL: <https://libmonster.ru/m/articles/view/> (дата обращения 10.10.2021).
7. Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. М. : Наука, 1979. 311 с.
8. Петров А.И. Китайцы в Кяхте (1727–1917 гг.) // Вестник ДВО РАН. 2009. № 1. С. 3–13.
9. Маланова А.В. Кяхтинское градоначальство и А.И. Деспот-Зенович // Молодой ученый. 2011. № 9 (32). С. 163–167.
10. Саркисова Г.И. Некоторые аспекты формирования кадровой политики коллегии иностранных дел на китайском направлении во второй половине XVIII в. (по архивным материалам) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2014. Т. 19, № 19. С. 359–379.

11. Саркисова Г.И. «Во уважение отличного усердия... к службе и в пользу государства подвигов» (архивные материалы о пограничном комиссарстве В.К. Игумнове и его семье) // Исторические события в жизни Китая и современность : V Всеросс. науч. конф. М. : Ин-т Дальнего Востока РАН, 2019. С. 42–46.
12. Нестерова Е.И. Южно-Уссурийское пограничное комиссарство: от проекта до реализации (конец 60-х – начало 70-х годов XIX века) // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 5. С. 118–125.
13. Шмонин И.В., Шмонин Д.И. Деятельность управления пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае по защите национальных интересов российской империи // Россия и АТР. 2016. № 4. С. 206–217.
14. Шмонин И.В., Шмонин Д.И. Исторические аспекты обеспечения безопасности дальневосточных границ России в начале XX в. // Россия и АТР. 2015. № 4 (90). С. 121–129.
15. Павлов Ю.А. Офицеры – пограничные комиссары на Дальнем Востоке (конец XIX – начало XX в.) // Вестник ДВО РАН. 2009. № 1. С. 105–109.
16. Василенко В.А. Пограничный комиссар в Туве в 1913 году: назначение проблемы, противостояние // Научные исследования Тувы. 2013. № 4. С. 29–38.
17. Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005 // Сибирь капиталистическая. URL: <http://sibistorik.narod.ru/project/frontier/index.html> (дата обращения: 25.10.2021).
18. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 327. Оп. 579. Д. 42.
19. АВПРИ. Ф. 327. Оп. 579. Д. 2.
20. Мамкина И.Н. Особенности реализации миграционной политики в Забайкальской области во второй половине XIX в. // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 10. С. 56–64.
21. АВПРИ. Ф. 327. Оп. 579. Д. 77.
22. АВПРИ. Ф. 327. Оп. 579. Д. 85.
23. Василенко В.А. Отношения стран «Центральноазиатского треугольника» по «Урянхайскому вопросу» (1911–1914 гг.) // Концептуальные вопросы российско-монгольских отношений в первой половине XX века. Улан-Батор ; Иркутск : Изд-во БГУ, 2016. 359 с.
24. Инструкция должностным лицам управления Усинского пограничного округа и Урянхайского края // Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина. URL: <https://www.prlib.ru/item/465347> (дата обращения: 07.07.2021).

References

1. USSR AS. (1958) *Russko-kitayskie otnosheniya 1689–1916 g.: ofits. dokumenty* [Sino-Russian relations 1689–1916: Official documents]. Moscow: Izdatelstvo vostochnoy literatury.
2. Sychevskiy, G.A. (1875) *Istoricheskaya zapiska o kitayskoy granitse, sostavlenaya sovetnikom Troitsko-Savskogo pogranichnogo pravleniya Sychevskim v 1846 g.* [Historical note on the Chinese border, compiled by adviser Sychevsky of the Troitskosavsk Border Administration in 1846]. Moscow: Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University.
3. Shishmarev, Ya.P. (1886) *Zapiska deystvit'el'nogo statsogo sovetnika Shishmareva* [Note of actual state councilor Shishmarev]. [Online] Available from: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Mongol/Sismarev_otcet/frame1.htm
4. Kurts, V.G. (1929) *Russko-kitayskie otnosheniya v XVI, XVII i XVIII stoletiyakh* [Sino-Russian relations in the 16th, 17th, and 18th centuries]. Kharkov: Gosudarstvennoye izdatelstvo Ukrainy.
5. Besprozvannykh, E.L. (1986) *Priamur'e v sisteme russko-kitayskikh otnosheniy v XVII – seredine XIX v.* [The Amur region in the system of Russian-Chinese relations in the 17th - mid-19th centuries]. Khabarovsk: Knizhnoe izdatel'stvo.
6. Beskrovnyy, L.G. & Narochnitskiy, A.L. (1974) K istorii vneshney politiki Rossii na Dal'nem Vostoke v XIX veke [On the history of Russia's foreign policy in the Far East in the 19th century]. *Voprosy istorii*. 6. pp. 14–36.
7. Gurevich, B.P. (1979) *Mezhdunarodnye otnosheniya v Tsentral'noy Azii v XVII – pervoy polovine XIX v.* [International Relations in Central Asia in the 17th – first half of the 19th Century]. Moscow: Nauka.
8. Petrov, A.I. (2009) Kitaytsy v Kyakhte (1727–1917 gg.) [Chinese in Kyakhta (1727–1917)]. *Vestnik DVO RAN*. 1. pp. 3–13.
9. Malanova, A.V. (2011) Kyakhtinskoe gradonachal'stvo i A.I. Despot-Zenovich [Kyakhta city administration and A.I. Despot-Zenovich]. *Molodoy uchenyy*. 9(32). pp. 163–167.
10. Sarkisova, G.I. (2014) Nekotorye aspekty formirovaniya kadrovoy politiki kollegii inostrannykh del na kitayskom napravlenii vo vtoroy polovine XVIII v. (po arkhivnym materialam) [Some aspects of personnel policy formation in the Collegium of Foreign Affairs regarding China in the second half of the 18th century (based on archival materials)]. *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'*. 19(19). pp. 359–379.
11. Sarkisova, G.I. (2019) “Vo uvazhenie otlichnogo userdia... k sluzhbe i v pol'zu gosudarstva podvigov” (arkhivnye materialy o pogranichnom komissarstve V.K. Igumnova i ego sem'e) [“In respect of excellent diligence... for service and in favor of the state of feats” (archival materials on the border commissioner V.K. Igumnov and his family)]. *Istoricheskie sobytiya v zhizni Kitaya i sovremennost'* [Historical Events in the Life of China and Modernity]. The Fifth All-Russian Conference. Moscow: Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences. pp. 42–46.
12. Nesterova, E.I. (2018) Yuzhno-Ussuriyskoe pogranichnoe komissarstvo: ot proekta do realizatsii (konets 60-kh - nachalo 70-kh godov XIX veka) [South Ussuri Border Commissioner's Office: From project to implementation (late 1860s – early 1870s)]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 5. pp. 118–125.
13. Shmonin, I.V. & Shmonin, D.I. (2016) Deyatel'nost' upravleniya pogranichnogo komissara v Yuzhno-Ussuriyskom krae po zashchite natsional'nykh interesov rossiyskoy imperii [Activities of the Border Commissioner's Office in South Ussuri region to protect national interests of the Russian Empire]. *Rossiya i ATR*. 4. pp. 206–217.
14. Shmonin, I.V. & Shmonin, D.I. (2015) Istoricheskie aspekty obespecheniya bezopasnosti dal'nevostochnykh granits Rossii v nachale XX v. [Historical aspects of ensuring security of Russia's Far Eastern borders in the early 20th century]. *Rossiya i ATR*. 4(90). pp. 121–129.
15. Pavlov, Yu.A. (2009) Ofitsery-pogranichnye komissary na Dal'nem Vostoke (konets XIX – nachalo XX v.) [Officers-border commissioners in the Far East (late 19th – early 20th century)]. *Vestnik DVO RAN*. 1. pp. 105–109.
16. Vasilenko, V.A. (2013) Pogranichnyy komissar v Tuve v 1913 godu: naznachenie problemy, protivostoyaniye [Border commissioners in Tuva in 1913: Appointment problems, confrontation]. *Nauchnye issledovaniya Tuvy*. 4. pp. 29–38.
17. Rezun, D.Ya. & Shilovskiy, M.V. (2005) *Sibir', konets XVI – nachalo XX veka: frontir v kontekste etnosotsial'nykh i etnokul'turnykh protsessov* [Siberia, late 16th – early 20th century: Frontier in the context of ethnosocial and ethnocultural processes]. Novosibirsk: [s.n.].
18. The Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). (n.d.) Fund 327. List 579. File 42.
19. The Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). (n.d.) Fund 327. List 579. File 2.
20. Mamkina, I.N. (2019) Osobennosti realizatsii migratsionnoy politiki v Zabaykalskoy oblasti vo vtoroy polovine XIX v. [Features of migration policy implementation in Transbaikal region in the second half of the 19th century]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*. 10. pp. 56–64.
21. The Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). (n.d.) Fund 327. List 579. File 77.
22. The Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). (n.d.) Fund 327. List 579. File 85.
23. Vasilenko, V.A. (2016) *Otnosheniya stran “Tsentral'noaziatskogo treugol'nika” po “Uryankhayskomu voprosu” (1911–1914 gg.)* [Relations of the countries of the “Central Asian Triangle” on the “Uriankhai issue” (1911–1914)]. Ulan-Bator; Irkutsk: BSU.

24. Department of the Ministry of Internal Affairs. (1914) *Instruksiya dolzhnostnym litsam upravleniya Usinskogo pogranichnogo okruga i Uryankhayskogo kraya* [Instructions for officials of the Usinsk border district and Uryankhai region administration]. [Online] Available from: <https://www.prlib.ru/item/465347>

Сведения об авторе:

Мамкина Инна Николаевна – доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой теории государства и права юридического факультета Забайкальского государственного университета (Чита, Россия); Забайкальский научный центр Института истории, археологии этнографии Дальневосточного отделения Российской академии наук (Чита, Россия). E-mail: inna-mamkina@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Mamkina Inna N. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theory of State and Law, Faculty of Law, Zabaikalsky State University (Chita, Russian Federation); Transbaikalian Scientific Center Institute of History, Archaeology and Ethnology, the Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Chita, Russian Federation). E-mail: inna-mamkina@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.10.2021; принята к публикации 01.04.2025

The article was submitted 28.10.2021; accepted for publication 01.04.2025